

Р1
Т53

ТЧ

КРУГЪ ЧТЕНИЯ.

ИЗБРАННЫЯ, СОБРАННЫЯ
И РАСПОЛОЖЕННЫЯ НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ.

Львомъ Толстымъ

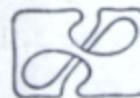
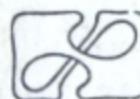
мысли многихъ писателей
объ истинѣ, жизни и поведеніи.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

ИЗДАНІЕ
„ПОСРЕДНИКА“,
ТРЕТЬЕ.

съ перваго изданія, напечатанаго подъ личнымъ наблюденіемъ
Л. Н. ТОЛСТОГО.



Изданія „ПОСРЕДНИКА“.

БИРЮКОВЪ, П. Левъ Николаевичъ Толстой. Біографія. По неизданнымъ матеріаламъ. (Воспоминанія и письма Л. Н. Толстого.) Томъ I. Съ 29 іллюстраціями. 477 стр. Ц. 2 р. Въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ 2 р. 75 к.

Въ этотъ томъ вошли неизданныя письма и воспоминанія Л. Н. Толстого.

Содеряніе: Введеніе. Введеніе Л. Н. Толстого къ своимъ воспоминаніямъ. **Часть I. Происхожденіе Л. Н. Толстого:** Предки со стороны отца. Предки со стороны матери. Родители Л. Н. Толстого.—**Часть II. Дѣтство, отрочество и юность** (1828—1850). Дѣтство. Ясная Поляна. Первая воспоминанія. Прислуга. Брать Николенька. Отрочество. Переѣздъ въ Москву. Внутреннее развитіе и характеръ Л. Н. въ отрочествѣ. Юность. Казанскій университетъ. Брать Дмитрій. Начало хозяйства въ деревнѣ. Петербургъ и Москва.—**Часть III. Военная служба** (1851—1856). Кавказъ. Письма Некрасова. „Дѣтство“. Дунай и Севастополь. 4-й бастіонъ. „Севастопольские рассказы“. Петербургъ. Ясная Поляна. Романъ.—**Часть IV. Литературная и общественная дѣятельность** (1857—1862). Первое заграницное путешествіе. Московская жизнь. Медвѣжья охота. Второе заграницное путешествіе. Смерть брата. Толстой и Тургеневъ. Педагогическая дѣятельность Л. Н.—ча Толстого. Теоріи. Устройство и практика Яснополянской школы. Женитьба. Краткій обзоръ произведеній. Заключеніе.

То же

Содеї

Історія „Вс
Ізъ частной
Второй пед
Другіе педа
Письмо о гс
„Анны Каре
тической ли
Л. Н.—ча в
Критическі
окружающей
Событіе 1-го
дахъ. Жизн
вѣра?“ Закл

ы и мира“.
тературы).
—Часть II.
. Азбука.
им'ніє.—
исхожденіе
зоръ кри-
яя жизнь
Часть IV.
Н.—ча къ
я жизнь:
80-хъ го-
чемъ моя

То же

БИРЮ

Толстого.

КРОІ

англійскаго
стого „Пер
очеркомъ „
буновымиъ—П

АЛЕІ

ія Л. Н.

реводъ съ
• Н. Тол-
річескимъ
ь И. Гор-
• Ц. 15 к.

157980-179

КРУГЪ ЧТЕНИЯ.

ИЗБРАННЫЯ, СОБРАННЫЯ И РАСПОЛОЖЕННЫЯ НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ
от

ЛЬВОМЪ ТОЛСТЫМЪ

мысли многихъ писателей
объ истинѣ, жизни и поведеніи.

Издание „ПОСРЕДНИКА“,

напечатанное безъ измѣненій съ издания, вышедшаго подъ лич-
нымъ наблюденіемъ Л. Н. Толстого.

№ 845.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.



ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ.

Ц 157980 - 649



Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д
Москва—1911.





І ю л Ь.

1-е іюля.



Душа человѣка божественна.

1.

Всякая истина имъетъ своимъ началомъ Бога. Когда она проявляется въ человѣкѣ, то это не показываетъ того, чтобы она исходила изъ человѣка, но только, что человѣкъ имъетъ свойство такой прозрачности, что можетъ проявлять се.

Паскаль.

2.

Когда дождевая вода течетъ по жолобамъ, то намъ кажется, что она вытекаетъ изъ нихъ, тогда какъ въ дѣйствительности она падаетъ съ неба. То же и со святыми поученіями, которыя высказываютъ намъ божественные люди. Кажется, что они исходятъ отъ нихъ, въ дѣйствительности же они исходить отъ Бога.

Ратакришиа.

3.

Ставить свои собственные духовныя силы въѣ зависимости отъ силы Божеской—это, по учению Лао-Тсе, все равно, что вѣрить, что мѣхъ не есть приборъ, лишь пропускающій черезъ себя воздухъ, а самостоятельный источникъ, самъ изъ себя его производящій, и что, слѣдовательно, онъ могъ бы дуть и въ безвоздушномъ пространствѣ.

4.

Я испытываю съ особенной силой, что человѣкъ во всемъ томъ, что онъ дѣлаеть или можетъ дѣлать прекраснаго, великаго и добра, есть только органъ и орудіе чего-то или кого-то высшаго его. Это чувство есть религія. Человѣкъ религіозный присутствуетъ съ трепетомъ священнай радости при этихъ совершающихся *чрезъ него, а не отъ него явленіяхъ*, которая происходятъ въ немъ. Онъ отдаеть имъ въ распоряженіе свой голосъ, свои руки, свою волю, свое содѣйствіе, стараясь почтительно стереться, для того, чтобы какъ можно меныше извратить высшее дѣло этой силы, которая на время пользуется имъ для исполненія своего дѣла. Онъ обезличивается, онъ уничтожается отъ восхищенія. Его „я“ должно исчезнуть, когда говорить святой духъ, когда дѣйствуетъ Богъ. Такъ пророкъ слышитъ призывъ, такъ молодая мать чувствуетъ, какъ двигается плодъ въ ея утробѣ. До тѣхъ поръ, пока мы чувствуемъ свое „я“, мы ограничены, себѧлюбивы, плѣнники; когда же мы въ согласіи съ жизнью міра, когда мы отзываемся на го-
лосъ Бога, наше „я“ исчезаетъ.

Аміель.

5.

Если мы только на одинъ мигъ отрѣшимся отъ своего маленькаго „я“, не будемъ желать никому зла, не будемъ замышлять злого, будемъ только чистымъ стекломъ, отражающимъ лучи,—чего только мы не отразимъ! Все мірозданіе развернется въ лучезарномъ блескѣ вокругъ насть.

Генри Давидъ Торо.

6.

Истинная мудрость полезна потому, что она учитъ насть тому, что основы мыслей великаго человѣка живутъ въ его болѣе скромныхъ братьяхъ, и что тѣ свойства, которые выказываетъ учений въ своихъ глубочайшихъ открытіяхъ, совершенно тѣ самыя, которыя обыкновенный человѣкъ употребляетъ въ своихъ ежедневныхъ жизненныхъ трудахъ...

Истинное пониманіе великихъ людей состоитъ въ томъ, что они только примѣры и проявленія нашей общей природы, показывающія то, что свойственно всѣмъ думать, хотя оно и раскрывается еще

лишь въ немногихъ. Свѣтъ, исходящій отъ нихъ, есть не что иное, какъ слабое откровеніе той силы, которая таится въ каждомъ человѣческомъ существѣ. Они не диво, не чудо, но естественное развитіе человѣческой души.

Изъ журнала „Передовая мысль міра“.

7.

Истинное дѣло человѣка на землѣ въ томъ, чтобы держать свое существо въ согласіи въ Вѣчномъ; тогда только всемогущая сила любви и разума можетъ изливаться черезъ него, какъ черезъ чистый каналъ.

Изъ журн. „Передовая мысль міра“.

8.

Жизнь дана намъ, какъ ребенокъ данъ нянѣкѣ, чтобы возрастить его. Это самое говоритъ притча о талантахъ (Мо. XXV, 14—30).

Держи себя въ чистотѣ съ тѣмъ, чтобы сила Божія могла проходить черезъ тебя. Въ этомъ прохожденіи силы Божіей—великое благо.



2-е іюля.



Ни въ какой области иѣть такого злоупотребленія словомъ, какъ въ оцѣнкѣ произведеній,—въ особенности мнимаго,—искусства.

1.

Мы только тогда бываемъ вполнѣ удовлетворены впечатлѣніемъ отъ художественнаго произведенія, когда оно оставляетъ послѣ себя иѣчто такое, чего мы, при всемъ усилии мысли, не можемъ достичь до полной ясности.

Шопенгауэръ.

2.

Искусство есть дѣятельность человѣческая, состоящая въ томъ, что одинъ человѣкъ сознательно, извѣстными виѣшними знаками передаетъ другимъ испытываемыя имъ чувства, а другіе люди заражаются этими чувствами и переживаютъ ихъ.

3.

Искусство есть рельефное выдиганіе мыслей природы. Подъ огнемъ вдохновенія выступаютъ рисунки, начертанные симпатическими чернилами; таинственное становится очевиднымъ, смутное дѣлается яснымъ, сложное — простымъ, случайное — необходимымъ. Однимъ словомъ, искусство раскрываетъ природу, выражая ея намѣренія. Великий художникъ всегда упрощаетъ.

А м і с л ь.

4.

Если цѣлый міръ, какъ представление, есть лишь видимость, то искусство есть разъясненіе этой видимости, камерь-обскура, показывающая предметы чище и позволяющая лучше обозрѣвать и охватывать ихъ, зрѣлище въ зрѣлищѣ, сцена на сценѣ, какъ въ „Гамлете“.

Шопенгауэръ.

5.

Человѣкъ, одаренный обыкновенными чувствами, сообразуетъ мысли съ вещами; художникъ сообразуетъ вещи со своими мыслями. Обыкновенный человѣкъ считаетъ природу неизмѣнно укрѣпленной и твердой; художникъ — текучей, переливающейся и кладетъ на неї отпечатокъ своего существа. Для него непокорный міръ покоренъ и податливъ; онъ одѣваетъ прахъ и камни человѣческими свойствами и превращаетъ ихъ въ выраженія разума.

Эмерсонъ.

6.

Помните, что ничего нельзя дѣлать прекраснаго изъ соперничества, ничего благороднаго изъ гордости.

7.

Музыка показывает человѣку тѣ возможности величія, которыя есть въ его душѣ, говорить Эмерсонъ. То же можно сказать и про всякое истинное искусство.

8.

Искусство есть цвѣть жизни цѣлаго общества. Не можетъ быть хорошимъ цвѣть такого общества, какъ общество жестокихъ паразитовъ нашего христіанскаго міра. Оно неизбѣжно будетъ развращеннымъ и уродливымъ.

Таково и искусство нашего общества, дошедшее въ послѣднее время до высшей степени развращенности и уродливости.

9.

Науки и искусства будутъ служить народу только тогда, когда люди, живущіе среди народа и какъ народъ, не заявляя никакихъ правъ, будутъ предлагать ему свои научныя и художественныя услуги, принять или не принять которыхъ будетъ зависѣть воли народа.

10.

Истиной науки и истиннаго искусства есть два несомнѣнныхъ признака: первый, внутренній — тотъ, что служитель науки и искусства не для выгоды, а съ самоотверженіемъ исполняетъ свое призваніе, и второй, виѣшній — тотъ, что произведеніе его понятно всѣмъ людямъ, благо которыхъ оно имѣть въ виду.

11.

Наука и искусство такъ же тѣсно связаны между собою, какъ легкія и сердце, такъ что если одинъ органъ извращенъ, то и другой не можетъ правильно дѣйствовать.

Наука истинная изучаетъ и вводить въ сознаніе людей тѣ истины знанія, которыя людьми извѣстнаго времени и общества считаются самыми важными. Искусство же переводить эти истины изъ области знанія въ область чувства.

Занятіе искусствомъ, хотя и не такое высокое дѣло, какимъ считаютъ его обыкновенно тѣ, которые занимаются имъ, но дѣло не бесполезное и доброе, если оно соединяетъ людей и вызываетъ въ нихъ добрыя чувства; занятіе же искусствомъ такимъ, которое одобряется богатыми классами нашего міра, есть дѣло не только бесполезное, но вредное.



3-е іюля.



Тщеславный человѣкъ хочетъ, чтобы его хвалили. Для того, чтобы его хвалили, ему нужно быть тѣмъ, что люди считаютъ хорошимъ. Люди же считаютъ хорошимъ то, что имъ нравится. А нравится имъ то, чтобы ихъ считали хорошими. И потому иѣть болѣе тщетнаго запятія, какъ удовлетвореніе тщеславія.

1.

Кто стыдится непостыднаго и не стыдится безстыднаго, тотъ, слѣдя ложному миѣнію, вступаетъ на злой путь погибели.

Буддійская мудрость.

2.

Тщеславный такъ полонъ самимъ собою, что мѣста иѣть ничему другому.

Пэнъ.

3.

Себя уморишь, а людей не удивишь.

4.

Надо поступать такъ, какъ поступаютъ другие; правило это сомнительное, означающее почти всегда: надо поступать дурно.

Ла-Брю耶ръ.

5.

Одинъ человѣкъ спросилъ у другого, для чего онъ дѣлаеть то дѣло, которому не сочувствуетъ.

— Потому что всѣ такъ дѣлаютъ,—отвѣчалъ тотъ.

— Ну, положимъ, что не всѣ,—сказалъ первый,—потому что вотъ я этого не дѣлаю, да и нѣкоторые другіе, на которыхъ я могу тебѣ указать.

— Ну, коли не всѣ, то очень многіе, большая часть людей.

— А скажи мнѣ, пожалуйста,—снова спросилъ первый:—какихъ людей больше на свѣтѣ, умныхъ или глупыхъ?

— Конечно, глупыхъ!

— А коли такъ, то, стало - быть, ты, подражая большинству, подражаешь глупымъ.

К.

6.

Заставить умныхъ людей считать насъ не тѣмъ, что мы на самомъ дѣлѣ изъ себя представляемъ, въ большинствѣ случаевъ труднѣе, чѣмъ дѣйствительно стать такими, какими мы хотимъ казаться.

Лихтенбергъ.

7.

Человѣкъ бываетъ настолько самонадѣянъ, насколько онъ ограниченнъ пониманіемъ.

Попъ.

8.

И теперь и прежде высмѣиваются того, кто сидитъ въ молчаніи, высмѣиваются и того, кто много говорить, и того, кто говорить мало,—нѣть никого на землѣ, кто бы не былъ порицаемъ.

Никогда не было, никогда не будетъ и нѣть никого, кого бы постоянно порицали, какъ нѣть и того, кто всегда былъ бы хвалимъ.

Буддійская мудрость.

9.

Нѣть болѣе ложнаю руководства въ жизни, какъ людское мнѣніе.

10.

Намъ очень трудно не соглашаться съ нашимъ самолюбиемъ и не находить пріятными тѣхъ, кто насъ одобряетъ.

Л м і о ль.

11.

Гордость людская — свойство странное, не такъ-то легко позволяющее себя подавить; только заштопалъ дыру А, не успѣль оглянуться, она снова выглядываетъ изъ другой дыры Б, а заткнешь эту, она появляется изъ дыры В и т. д.

Л и х т е н б е р гъ.

12.

Мы одобляемъ другихъ постольку, поскольку находимъ ихъ похожими на нась; такъ что часто уважать кого-нибудь значить только уравнять его съ собою.

Ла-Брюйеръ.

Заботиться о славѣ людской, объ одобрениі людей уже потому неразумно, что люди не только не всѣ считаютъ одно и то же хорошимъ, но часто одни считаютъ дурнымъ то самое, что другие считаютъ самымъ хорошимъ.



4-е іюля.



Наказаніе основано не на разсужденіи, не на чувствѣ справедливости, а на дурномъ чувствѣ желанія сдѣлать зло тому, кто сдѣлалъ зло тебѣ или другому.

1.

Другую притчу предложилъ Онъ имъ, говоря:

Царство Небесное подобно человѣку, посѣвшему добре сѣмя на полѣ своемъ. Когда же люди спали, пришелъ врагъ его и посѣялъ между пшеницею плевелы и ушелъ. Когда взошла зелень

и показался плодъ, тогда явились и плевелы. Пришедши же рабы домовладыки сказали ему: господинъ! не доброе ли съмя съяль ты на полъ твоемъ? откуда же на немъ плевелы? Онъ же сказалъ имъ: врагъ человѣкъ сдѣлалъ это. А рабы сказали: хочешь ли, мы пойдемъ, выберемъ ихъ? Но онъ сказалъ: нѣтъ, чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вмѣстѣ съ ними ишеницы.

Мо. XIII, 24—29.

2.

Когда ребенокъ бѣть тотъ полъ, о который онъ ударился,—это очень иеразумно, но такъ же понятно, какъ то, что человѣкъ прыгаетъ, когда онъ сильно зашибся. Понятно также, когда человѣкъ, получивъ ударъ, подъ вліяніемъ боли, отвѣчаетъ тѣмъ же ударившему. Но дѣлать зло человѣку, потому что онъ сдѣлалъ зло когда-то прежде, и объяснять это разумными доводами было бы совершенно иепонятно, если бы человѣкъ не имѣлъ способности и склонности придумывать разумныя объясненія своимъ дурымъ поступкамъ.

Люди такъ повѣрили въ тѣ оправданія, которыя они придумали своей мстительности, что они приписали мстительность Богу, назавъ мстительность справедливостью,—возмездіемъ.

3.

Человѣкъ сдѣлалъ зло. И вотъ другой человѣкъ или люди для противодѣйствія этому злу не находятъ ничего лучшаго, какъ сдѣлать еще другое зло, которое они называютъ наказаніемъ.

4.

Наказаніе есть понятіе, изъ которого начинаетъ вырастать человѣчество.

5.

Наказаніе, прилагаемое къ воспитанію, къ общественному устройству, къ религіозному пониманію, не только не содѣйствовало и не содѣйствуетъ улучшенію дѣтей, обществъ и всѣхъ людей, вѣрящихъ въ наказаніе за грѣхомъ, но произвело и производить неисчислимые бѣдствія, ожесточая дѣтей, разращая общество и обещающее ада лишая добродѣтель ея главной основы.

6.

Уже много лѣтъ тому назадъ люди начали понимать неразумность наказанія и стали придумывать различныя теоріи устрашенія, пресѣченія, исправленія. Но всѣ эти теоріи падаютъ одна за другой, потому что въ основѣ ихъ всѣхъ только месть, и всѣ теоріи стараются только скрыть эту основу. Придумываютъ очень многое, но не рѣшаются сдѣлать одного нужнаго, а именно, ничего не дѣлать: оставить того, кто согрѣшилъ, каяться или не каяться, исправляться или не исправляться; самимъ же придумывающимъ теоріи и прилагающимъ ихъ—жить доброй жизнью.

7.

Наказаніе и весь уголовный законъ будеть предметомъ недовѣрія и удивленія будущихъ поколѣній. „Какъ могли они не видѣть всю безсмыслинность, жестокость и зловредность того, что они дѣлали?“ скажутъ наши потомки.

8.

Смертная казнь представляеть самое очевидное доказательство того, что наше общество не имѣетъ въ себѣ ничего христіанскаго.

9.

Накладывать наказаніе все равно, что грыть огонь. Всякое преступление несетъ всегда съ собой и болѣе жестокое, и болѣе разумное, и болѣе удобопринимаемое наказаніе, чѣмъ то, которое могутъ наложить люди.

10.

Можно почти безъ исключенія признать то, что всѣ люди, наполняющіе наши тюрьмы и умирающіе на висѣлицахъ, принадлежать къ существамъ обездоленнымъ, которые были придавлены и тѣлесно и духовно преступленіемъ того закона, который присвоиваетъ себѣ право наказывать ихъ. Гербертъ Биджалу.

Надо знать и помнить, что желаніе наказать есть низшее животное чувство, которое требуетъ своего подавленія, а не возвѣденія въ разумную дѣятельность.



5-е іюля.



Зло можетъ длѣть только самъ человѣкъ. То же, что совершается помимо воли человѣка, все благо.

1.

Соломонъ и Іовъ лучше всего знали и лучше всего говорили о ничтожествѣ человѣка: одинъ былъ самымъ счастливымъ, другой—самымъ несчастнымъ; одинъ испыталъ сущность удовольствій, другой—дѣйствительность бѣдствій.

Паскаль.

2.

Всякому созданію полезно не только все то, что посылается ему Провидѣнiemъ, но и въ то самое время, когда оно посылается.

Маркъ Аврелій.

3.

Жизнь человѣка есть стремленіе къ благу; къ чему онъ стремится, то и дано ему—жизнь, не могущая быть смертью, и благо—не могущее быть зломъ.

4.

Когда же не плоть, а ты будешь глава въ человѣкѣ? Когда поймешь ты блаженство любви ко всякому, когда освободишь себя разумѣніемъ жизни отъ скорбей и похотей, не нуждаясь для своего счастья, чтобы люди служили тебѣ своею жизнью или смертью; когда поймешь ты, что истинное благо всегда въ твоей власти и не зависитъ ни отъ красоты природы, ни отъ другихъ людей?

Маркъ Аврелій.

5.

Убѣдись, что нѣть у тебя иной собственности, кромѣ твоей души. Избери рѣшительно самый лучшій образъ жизни, привычка сдѣлаетъ его пріятнымъ для тебя. Богатство якорь не надежный, а слава—и того хуже. То же и тѣло, то же и власть, то же и почетъ: все это ничтожно и безсильно. Въ чемъ же надежный якорь для жизни? Въ добродѣтели: этого якоря не сломить никакая буря. Таковъ ужъ божественный законъ, что только добродѣтель держится твердо и непоколебимо; все же остальное ничто.

Пиѳагоръ Самосскій.

6.

Ты уже несчастенъ, если страшишься несчастья, а кто его заслуживаетъ, тотъ его вѣчно страшится.

Китайская пословица.

7.

Истинной природѣ человѣка свойственно пріобрѣтать жизненное, неизсякаемое духовное достояніе. Зависимость не отъ виѣшнихъ материальныхъ благъ доводитъ нась до рабскаго подчиненія людямъ и случайностямъ.

Эмерсонъ.

8.

Одни говорять: войди въ самого себя, и ты найдешь покой. Въ этомъ еще не вся правда.

Другие, напротивъ, говорять: выйди изъ самого себя; постарайся забыться и найти счастье въ развлеченияхъ. И это несправедливо, хотя бы только потому, что этимъ путемъ нельзя избавиться, напримѣръ, отъ болѣзней.

Покой и счастье—не внутри нась, не виѣ нась; они—въ Богѣ, Который и внутри и виѣ нась.

Паскаль.

Всѣ виѣшнія бѣдствія, которыя могутъ постигнуть человѣка, понявшаго то, что зло для него можетъ быть только въ его поступкахъ, ничто въ сравненіи съ благомъ того спокойствія и свободы, которую онъ испытываетъ.



6-е іюля.

Ни описаіе, ни видъ ужасовъ войны не останавливаютъ людей отъ участія въ войнѣ. Одна изъ причинъ этого та, что, созерцая ужасы войны, всякий невольно приходитъ къ невыраженному смутному соображенію о томъ, что если столь ужасное дѣло существуетъ и допускается, то существуютъ, вѣроятно, и скрытыя отъ него причины этого ужаснаго дѣла. Это соображеніе дѣластъ то, что люди, часто не злые, защищаютъ войну, отыскивая ея благодѣтельныя стороны, какъ отыскиваютъ благодѣтельность стихийныхъ явлений.

1.

Мысль съ ужасомъ останавливается передъ неизбѣжно ожидающей нась въ концѣ вѣка катастрофой, и надо приготавливаться къ ней. Въ продолженіе 20 лѣтъ (теперь уже болѣе 40) всѣ усиленія знанія истощаются на то, чтобы изобрѣтать орудія разрушенія, и скоро будетъ достаточно иѣсколькихъ пушечныхъ выстрѣловъ, чтобы уничтожить цѣлую армію. Подъ ружьемъ теперь уже не такъ, какъ прежде, иѣсколько тысячъ продажныхъ бѣдняковъ, по народы, цѣлые народы готовятся убивать другъ друга. Для того, чтобы приготовить ихъ къ убийству, разжигаютъ ихъ ненависть, увѣряя ихъ, что они ненавидимы, и кроткіе люди вѣрятъ этому, и вотъ-вотъ толпы мирныхъ гражданъ, получивъ нелѣпое приказаніе убивать другъ друга, Богъ знаетъ изъ-за какого смѣшнаго распределенія границъ или какихъ-нибудь торговыхъ, колоніальныхъ интересовъ, бросятся другъ на друга съ жестокостью дикихъ звѣрей.

И пойдутъ они, какъ бараны, на бойню, зная, куда они идутъ, зная, что они оставляютъ своихъ женъ, что дѣти ихъ будутъ голодать, но они будутъ идти, до такой степени опьяненные звучными и лживыми словами, до такой степени обмануты, что, воображая, что бойня составляетъ ихъ обязанность, будутъ просить Бога благословить ихъ кровавыя дѣла. И будутъ они идти, рас-

таптывая урожаи, которые они съяли, сжигая города, которые они строили, съ восторженнымъ иѣніемъ, криками радости, праздничной музыкой, будуть идти безъ возмущенія, покорные и смиренные, несмотря на то, что въ нихъ сила, и что если бы они могли согласиться, они установили бы здравый смыслъ и братство вмѣсто дикихъ хитростей дипломатовъ.

Э. Родъ.

2.

Очевидецъ разсказываетъ, что онъ въ нынѣшнюю русско-гноинскую войну увидалъ, войдя на палубу „Варяга“. Зрѣлище было ужасно. Вездѣ кровь, обрывки мяса, туловища безъ головъ, оторванныя руки, запахъ крови, отъ котораго тошило самыхъ привычныхъ. Боевая башня болѣе всего пострадала. Гранату разорвало на ея вершинѣ и убило молодого офицера, который руководилъ наводкой. Отъ несчастнаго осталась только сжатая рука, державшая инструментъ. Изъ четырехъ людей, бывшихъ съ командиромъ, два были разорваны въ куски, два другіе сильно ранены, (это тѣ, о которыхъ я разсказывалъ и которымъ отрезали обѣ ноги и потомъ должны были еще разъ отрезать ихъ); командиръ отдѣлался ударомъ осколка въ високъ.

И это не все. Нейтральныне не могутъ принять на свои пароходы раненыхъ, потому что гангрена и горячка заразительны.

Гангрена и гнойная, госпитальная зараженія составляютъ, вмѣстѣ съ голодомъ, пожаромъ, разореніями, болѣзнями, тифомъ, оспой тоже часть военной славы. Такова война.

А между тѣмъ Жозефъ Местръ такъ воспѣвалъ благодѣянія войны: „Когда человѣческая душа вслѣдствіе изнѣженности теряетъ свою упругость, становится невѣрующей и усваиваетъ гнилостные пороки, которые слѣдуютъ за излишками цивилизациіи, она можетъ быть возстановлена только въ крови“.

Господинъ Богюэ, академикъ, такъ же какъ и г. Брюнетьеръ, говорить почти то же самое.

Но бѣдняки, изъ которыхъ дѣлается пушечное мясо, имѣютъ право не соглашаться съ этимъ.

Къ несчастью, они не имѣютъ мужества своихъ убѣждений. Отъ этого все зло. Привыкнувъ издавна позволять убивать себя ради

вопросовъ, которые они не понимаютъ, они продолжаютъ это дѣлать, воображая, что все идетъ очень хорошо.

Отъ этого-то теперь тамъ лежать трупы, которыхъ подъ водой поѣдаютъ морскіе раки.

Въ то время, когда картечь разбивалъ все вокругъ нихъ, едва ли они рады были думать, что все это дѣлается для ихъ блага, чтобы возстановить душу ихъ современниковъ, потерявшую свою упругость отъ излишка цивилизации.

частные, бѣроятно, не читали Жозефа Местра. Я советую членамъ читать его между двумя перевязками. Они узнаютъ, что война таъ же необходима, какъ и палачъ, потому что, какъ и онъ, она есть проявленіе сираведливости Бога.

И эта великая мысль будетъ служить имъ утѣшеніемъ въ то время, когда пила хирурга будетъ распиливать ихъ кости.

Гардунъ.

3.

Но война болѣе уважаема, чѣмъ когда-либо. Искусный артистъ этого дѣла, геніальный убийца г-нъ Мольтке, такими странными товами отвѣчалъ делегатамъ мира:

Война свята, божественное учрежденіе, одинъ изъ священныхъ законовъ міра. Она поддерживаетъ въ людяхъ всѣ великія и благородныя чувства: честь, безкорыстіе, добродѣтель, храбрость,— однимъ словомъ, спасаетъ людей отъ отвратительного материализма“.

Такъ что соединиться въ стада четырехсотъ тысячъ человѣкъ, безъ отдыха ходить день и ночь, ни о чёмъ не думать, ничего не изучать, ничему не научаться, ничего не читать, не быть полезнымъ никому, загнивать въ нечистотѣ, спать въ грязи, жить какъ скоты, въ постоянномъ одуреніи, грабить города, сжигать деревни, разорять народы, потомъ, встрѣтивъ такое же другое скопище человѣческаго мяса, бросаться на него, проливать озера крови, покрывать поля разорваннымъ мясомъ и кучами труповъ устилать землю, быть искалѣченными, быть размеженными безъ пользы для кого бы то ни было и, наконецъ, издохнуть гдѣ-нибудь на чужомъ полѣ, тогда какъ ваши родители, ваша жена и дѣти дома умираютъ съ голода—это называется спасать людей отъ отвратительного материализма.

Гюи де Мопасанъ.

4.

Прошло время разсуждать о вредѣ войны. Объ этомъ все уже сказано. Теперь осталось одно, съ чего следовало начать каждому человѣку: не дѣлать того, что онъ считаетъ не должнымъ.

Неправда, что существование войны доказывается ея необходимость. Совѣсть человѣчества говорить, что это неправда, и войны не должны быть.



7-е июля.



Отрицать Бога значитъ отрицать себя, какъ духовное, разумное существо.

1.

Бога и душу я знаю не путемъ определенія, но совершенно другимъ путемъ. Определеніе разрушаетъ во мнѣ это знаніе. Я несомнѣнно знаю, что есть Богъ и что моя душа есть. Но это знаніе несомнѣнно для меня потому только, что я неизбѣжно приведенъ къ нему. Къ несомнѣнности знанія Бога я приведенъ вопросомъ: откуда я? Къ знанію души я приведенъ вопросомъ: что я такое?

Откуда я?

Я родился отъ своей матери, а та отъ бабушки, отъ прабабушки, а самая послѣдняя отъ кого? И я неизбѣжно прихожу къ Богу.

Кто такой я?

Ноги — не я, руки — не я, голова — не я, чувства — не я, даже мысли — не я. Что же я?

Я — я, — моя душа.

Съ какой бы стороны я ни пришелъ къ Богу, будетъ то же самое: начало моей мысли, моего разума — Богъ; начало моей любви — Онъ же; начало вещественности — Онъ же.

То же и съ понятіемъ души. Обращусь ли я къ своему стремлению къ истинѣ, я знаю, что стремленіе къ истинѣ есть невещественная основа меня — моя душа; обращусь ли на чувство своей любви къ добру, я знаю, что это моя душа любить.

2.

Самый строгий и послѣдовательный агностикъ, хотѣть онъ или не хотѣть этого, признаетъ Бога. Онъ не можетъ не признавать того, что есть законъ его жизни,—законъ, которому онъ можетъ подчиняться или отъ котораго можетъ уклоняться. Вотъ это-то признаніе высшаго, недоступнаго человѣку, но неизбѣжно существующаго высшаго закона своей жизни и есть законъ Бога.

Вѣрить такъ значитъ прокопать буть до камня, до материка, и на немъ строить домъ.

3.

Богъ проявляется въ лучшихъ мысляхъ, въ правдѣ рѣчи, въ искренности поступка, и духомъ своимъ даетъ благоденствіе и вѣчность миру.

Зенда вестъ.

4.

Богъ есть. Мы не должны и намъ не нужно это доказывать. Всякая попытка доказать Его бытіе есть уже кощунство; всякое же отрицаніе Его есть безуміе. Богъ обитаетъ въ нашей совѣсти, въ сознаніи человѣчества, въ окружающей настѣ вселенной. Наше сознаніе, наша совѣсть взываютъ къ Нему во всѣ наилѣпѣ торжественные минуты горя и радости. Отрицать Бога подъ сводомъ звѣзднаго неба ночи, у гроба дорогихъ людей или при казни мученика можетъ только или очень жалкій или очень преступный человѣкъ.

Мадзини.

5.

Жизнь міра совершаются по чьей-то волѣ,—кто-то этою жизнью всего міра и нашими жизнями дѣлаетъ свое какое-то дѣло. Тотъ, кто это дѣлаетъ, и есть то, что мы называемъ Богомъ.

Люди не върятъ въ Бога только тогда, когда они върятъ лжи, выдаваемой за Бога.



Недѣльное чтеніе.

П а с к а л ь.

Ни одна страсть не удерживаетъ людей такъ долго въ своей власти, не скрываетъ такъ прочно, иногда до самаго конца, тщету временнай мірской жизни, и ни одна не отдаляетъ такъ людей отъ пониманія смысла человѣческой жизни и ея истиннаго блага, какъ страсть славы людской, въ какой бы формѣ она ни проявлялась: мелочнаго тщеславія, честолюбія, славолюбія.

Всякая похоть носить въ себѣ свое наказаніе, и страданія, которыя сопутствуютъ ея удовлетворенію, обличаютъ ея ничтожество. Кромѣ того, всякая похоть ослабѣваетъ съ годами, славолюбіе же съ годами все больше и больше разгорается. Главное же то, что забота о славѣ людской всегда соединяется съ мыслью о служеніи людямъ, и человѣку легко обманываться, когда онъ ищетъ одобренія людей, что онъ живеть не для себя, а для блага тѣхъ людей, одобренія которыхъ онъ добивается. И потому это самая коварная и опасная страсть и труднѣе всѣхъ другихъ искореняемая. Освобождаются отъ этой страсти только люди съ большими душевными силами.

Большія душевныя силы даютъ этимъ людямъ возможность быстро достигнуть большой славы, и эти же душевныя силы даютъ имъ возможность увидать ничтожество ея.

Такимъ человѣкомъ былъ Паскаль. Такимъ же былъ близкій намъ русскій человѣкъ Гоголь (я думаю, что я по Гоголю понялъ Паскаля). И тотъ и другой, хотя съ совсѣмъ различными свойствами

и совершенно различнымъ складомъ и размѣромъ ума, пережили одно и то же.

Оба очень скоро достигли той славы, которой страстно желали; оба, достигнувъ ея, тотчасъ же поняли всю тщету того, что казалось имъ самымъ высокимъ, самымъ драгоцѣннымъ въ мірѣ благомъ. И оба ужаснулись тому соблазну, во власти которого находились. Они всѣ силы души положили на то, чтобы показать людямъ весь ужасъ того заблужденія, изъ котораго они только-что вышли, и чѣмъ сильнѣе было разочарованіе, тѣмъ настоятельнѣе представлялась имъ необходимость такой цѣли, такого назначенія жизни, которое ничѣмъ не могло бы быть нарушено.

Въ этомъ причина того страстнаго отношенія къ вѣрѣ, какъ нашего Гоголя, такъ и Паскаля; въ этомъ же и причина пренебреженія ихъ ко всему сдѣланному ими прежде. Вѣдь все это дѣжалось для славы. А слава прошла, и въ ней ничего не было, кромѣ обмана, стало-быть, не нужно и ничтожно было все то, что дѣжалось для ея приобрѣтенія. Важно только одно: то, чего не было, что было заслонено мірскими желаніями славы. Важно и нужно было одно: та вѣра, которая даетъ смыслъ преходящей жизни и твердое направлѣніе всей ея дѣятельности. И это сознаніе необходимости вѣры и невозможности жить безъ нея такъ поражаетъ такихъ людей, что они не могутъ не удивляться на то, какъ могли они сами, какъ могутъ вообще люди жить безъ вѣры, объясняющей имъ смыслъ ихъ жизни и ожидающей ихъ смерти. И сознавъ это, такие люди всѣ силы своего ума и души направляютъ на то, чтобы спасти людей отъ того ужаснаго заблужденія, изъ котораго они только-что вышли, и показать имъ, что безъ вѣры нельзя жить, что только вѣра спасаетъ, стараются вырвать изъ рукъ людей тотъ экранъ, который, какъ говоритъ Паскаль, люди держать передъ собою въ то время, какъ бѣгутъ въ пропасть.

Такимъ человѣкомъ былъ Паскаль, и въ этомъ его великая, неопѣненная и далеко неоцѣненная заслуга.

Паскаль родился въ Клермонтѣ въ 1623 году. Отецъ его былъ известный математикъ. Мальчикъ, какъ и всѣ дѣти, подражая отцу съ первого дѣтства, занялся математикой, и у него обнаружились необыкновенные способности. Отецъ, не желая преждевре-

менно развивать ребенка, не давать ему математическихъ книгъ; но мальчикъ, слушая разговоры отца съ его знакомыми математиками, самъ сталъ вновь выдумывать геометрію. Отецъ, увидавъ эти необыкновенные для ребенка работы, былъ такъ пораженъ, что пришелъ въ восхищеніе, расплакался отъ умиленія и съ тѣхъ поръ сталъ преподавать сыну математику. Мальчикъ скоро не только усвоилъ то, что открылъ ему отецъ, но сталъ дѣлать самостоятельные открытія въ области математики. Успѣхи его обратили на себя вниманіе не только близкихъ, но и ученыхъ, и Паскаль очень молодымъ пріобрѣлъ извѣстность замѣчательнаго математика. Слава выдающагося, несмотря на молодые годы, ученаго поощряла его къ занятіямъ, большія способности давали ему возможность увеличивать славу, и Паскаль все свое время и силы посвятилъ научнымъ занятіямъ и изслѣдованіямъ. Но здоровье его съ дѣтства было слабое. Усиленія же занятія еще болѣе ослабили его, и въ юношескомъ возрастѣ онъ тяжело заболѣлъ. Послѣ болѣзни онъ, по просьбѣ отца, сократилъ свои занятія до двухъ часовъ въ день, свободное же время употреблялъ на чтеніе философскихъ сочиненій.

Онъ прочелъ Эпиктета, Декарта и опыты Монтеня. Книга Монтеня особенно поразила его,— она возмутила его своимъ скептицизмомъ и равнодушіемъ къ религіи. Паскаль всегда былъ религіозенъ и по-дѣтски вѣрилъ тому католическому учению, въ которомъ былъ воспитанъ. Книга Монтеня, вызвавъ въ немъ сомнѣнія, заставила его задуматься надъ вопросами вѣры, въ особенности же о томъ, насколько необходима вѣра для разумной жизни человѣка, и онъ сталъ еще строже къ себѣ въ исполненіи религіозныхъ обязанностей и, кромѣ философскихъ сочиненій, сталъ читать книги религіознаго содержанія. Въ числѣ этихъ книгъ ему попалась книга голландскаго теолога Янсена „Преобразованія внутренняго человѣка“.

Въ книгѣ этой было разсужденіе о томъ, что, кромѣ похоти плоти, есть еще и похоть духа, состоящая въ удовлетвореніи человѣческой пытливости, въ основѣ которой лежитъ то же, что и во всякой похоти: эгоизмъ и самолюбіе, и что такая угонченная похоть болѣе всего другого удаляетъ человѣка отъ Бога. Книга эта

сильно поразила Паскаля. Съ свойственной великимъ душамъ правдивостью, онъ почувствовалъ истинность этого разсужденія по отношенію къ себѣ и, несмотря на то, что отказаться отъ занятій наукой и отъ связанной съ ними славы было для него великимъ лишеніемъ, или именно потому, что это было для него великимъ лишеніемъ, онъ рѣшилъ оставить соблазнявшія его занятія наукой и всѣ силы свои направить на разъясненія для себя и для другихъ тѣхъ вопросовъ вѣры, которые все сильнѣе и сильнѣе занимали его.

Ничего неизвѣстно объ отношеніи Паскаля къ женщинамъ и какое вліяніе имѣли на его жизнь соблазны женской любви. Біографы его, на основаніи его небольшого сочиненія „Discours sur les passions de l'amour“, въ которомъ онъ говоритъ, что величайшее счастье, доступное человѣку—любовь, есть чувство чистое, духовное и должно служить источникомъ всего возвышенаго и благороднаго, дѣлаютъ заключеніе, что Паскаль въ своей молодости былъ влюбленъ въ женщину, стоявшую выше его по положенію и не отвѣчавшую его любви. Во всякомъ случаѣ, если и была такая любовь, она не имѣла никакихъ послѣдствій для жизни Паскаля. Главные интересы его молодой жизни заключались въ борьбѣ между его стремленіями къ занятіямъ наукой и къ славѣ, которую они давали ему, и сознаніемъ пустоты, ничтожества этихъ занятій и зловредности соблазна, славолюбія и желанія всѣ свои силы посвятить только служенію Богу.

Такъ, уже въ тотъ періодъ его жизни, когда онъ рѣшилъ отказаться отъ занятій наукой, ему случилось прочесть изслѣдованія Торичелли о пустотѣ. Чувствуя, что вопросъ этотъ рѣшается невѣрно и что возможно болѣе точное опредѣленіе, Паскаль не могъ удержаться отъ желанія провѣрить эти опыты. Провѣряя же ихъ, онъ сдѣлалъ свои знаменитыя открытія о тяжести воздуха. Открытие это обратило на него вниманіе всего ученаго міра. Ему писали, его посещали ученые и восхваляли его. И борьба съ соблазнами славы людской стала еще труднѣе.

Для борьбы этой Паскаль носилъ на тѣлѣ поясъ съ гвоздями, обращенными къ тѣлу, и всякий разъ, какъ ему казалось, что при чтеніи или выслушиваніи себѣ похвалъ въ немъ поднималось чув-

ство честолюбія, гордости, онъ прижималъ поясъ локтемъ къ боку, гвозди кололи его тѣло, и онъ вспоминалъ весь тотъ ходъ мыслей и чувствъ, которыя отвлекали его отъ соблазна славы.

Въ 1651 году съ Паскалемъ случилось событие, казалось бы, неважное, но сильно поразившее его и имѣвшее большое влияніе на его душевное состояніе. На мосту Нельи онъ упалъ изъ экипажа и былъ на волоскѣ отъ смерти. Въ это же время умеръ отецъ Паскаля. Это двойное напоминаніе о смерти заставило Паскаля еще болѣе, чѣмъ прежде, углубиться въ вопросы жизни и смерти.

Религіозное настроеніе все болѣе и болѣе захватывало жизнь Паскаля, такъ что въ 1655 году онъ совершенно удалился отъ мира. Онъ перебралъ въ Янсенистскую общину Поръ-Рояля и сталъ жить тамъ жизнью почти монашеской, обдумывая и приготовляя то большое сочиненіе, въ которомъ онъ хотѣлъ показать, во-первыхъ, необходимость религіи для разумной жизни людской, и, во-вторыхъ, истинность той религіи, которую онъ самъ исповѣдывалъ. Но и здѣсь соблазны славы людской не оставили Паскаля.

Янсенистская община Поръ-Рояля, бъ которой жилъ Паскаль, вызвала къ себѣ враждебность могущественного ордена іезуитовъ, и происки іезуитовъ сдѣлали то, что существовавшія при Поръ-Роялѣ школы мужская и женская были закрыты, и самому монастырю Поръ-Рояля угрожала опасность быть закрытымъ.

Живя среди янсенистовъ и раздѣляя ихъ ученіе, Паскаль не могъ оставаться равнодушнымъ къ положенію своихъ единовѣрцевъ и, увлекшись такъ споромъ съ іезуитами, написалъ въ защиту янсенистовъ книгу, которую онъ назвалъ „Письмами провинціала“. Въ сочиненіи этомъ Паскаль не столько оправдывалъ и защищалъ ученіе янсенистовъ, сколько осуждалъ враговъ ихъ—іезуитовъ, обличая безнравственность ихъ ученія. Книга имѣла большой успѣхъ, но слава эта уже не могла соблазнить Паскаля.

Вся жизнь его была уже непрестающимъ служеніемъ Богу.

Онъ установилъ себѣ правила жизни и строго слѣдовалъ имъ, не уклоняясь отъ нихъ ни по лѣни, ни по болѣзни. Бѣдность онъ считалъ основаніемъ добродѣтели. „Въ бѣдности и нищетѣ,—говорилъ онъ,—не только нѣть зла, но въ нихъ наше благо. Хри-

стось быль бѣденъ и нищъ и не имѣль, гдѣ главу преклонить". Отдавая все, что могъ, бѣднымъ, Паскаль жилъ такъ, что у него было лишь необходимое; онъ обходился по возможности безъ прислуги, допуская ее только, когда онъ по болѣзни не могъ двигаться. Жилище его было самое простое, какъ и пища и одежда. Онъ самъ убиралъ свои комнаты и приносилъ себѣ обѣдъ.

Болѣзнь его все усиливалась, и онъ не переставалъ страдать, но страданія свои онъ переносилъ не только съ терпѣніемъ, удивлявшимъ его близкихъ, но даже съ радостью и благодарностью. „Не жалѣйте,— говорилъ онъ тѣмъ, которые соболѣзвновали его положенію,— болѣзнь есть естественное состояніе христіанина, потому что въ этомъ положеніи христіанинъ бываетъ такимъ, какимъ долженъ быть всегда. Она пріучаетъ къ лишенію всякихъ благъ и чувственныхъ удовольствій, пріучаетъ удерживаться отъ страстей, которыя всю жизнь обуреваютъ человѣка, быть безъ честолюбія, безъ жадности, быть всегда въ ожиданіи смерти".

Та роскошь, которой пытались окружить его любящіе его родные, тяготила его. Онъ просилъ сестру перевести его въ больницу для неизлечимыхъ бѣдныхъ, чтобы провести съ ними послѣдніе дни своей жизни, но сестра не исполнила его желанія, и онъ умеръ у себя.

Послѣдніе часы онъ былъ безъ сознанія. Только передъ самымъ концомъ онъ приподнялся съ постели и съ яснымъ и радостнымъ выражениемъ сказалъ: „Не оставь меня Господи". Это были его послѣднія слова.

Онъ скончался 19 августа 1662 года.

Человѣку для его блага нужно двѣ вѣры: одно — вѣрить, что есть объясненіе смысла жизни, а другое — найти это наиболѣшее объясненіе жизни.

Паскаль сдѣлалъ, какъ никто, первое дѣло. Судьба, Богъ не далъ ему сдѣлать второго.

Какъ человѣкъ, умирающій отъ жажды, набрасывается на ту воду, которая есть передъ нимъ, не разбирая ея качества, такъ Паскаль, не разбирая качества того католицизма, въ которомъ онъ

воспитанъ, видѣль въ немъ истину и спасеніе людей. Довольно, что вода, довольно, что вѣра!

Само собою разумѣется, что никто не имѣеть права гадать о томъ, что могло бы быть, но нельзя себѣ представить гениального, правдиваго передъ самимъ собой Паскаля, вѣрующаго въ католичество. Онъ не успѣлъ подвергнуть его той силѣ мысли, которую онъ направилъ на доказательство необходимости вѣры, и потому въ душѣ его догматический католицизмъ остался цѣлымъ. Онъ, не трогая его, опирался на него. Опирался на то, что было и есть въ немъ истиннаго. Онъ взялъ изъ него напряженную работу само-совершенствованія, борьбу съ соблазнами, отвращеніе къ богатству и твердую вѣру въ милосерднаго Бога, Которому онъ отдавалъ, умирая, свою душу.

Онъ умеръ, сдѣлавъ только одну часть работы,—не додѣлавъ, даже не начавъ дѣлать другую. Но отъ того, что не сдѣлана эта вторая часть работы, не менѣе драгоценна первая: удивительная книга „Мыслей“, собранная изъ разрозненныхъ клочковъ бумаги, на которыхъ болѣй, умирающій Паскаль записывалъ свои мысли.

Удивительная судьба этой книги.

Является пророческая книга,—толпа стоитъ въ недоумѣніи, пораженная силой пророческаго слова, встревожена,想要 понять, уяснить, узнать, что дѣлать.

И вотъ приходитъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые, какъ говорилъ Паскаль, думаютъ, что знаютъ, и поэтому мутятъ міръ; приходить эти люди и говорятъ: „Тутъ нечего понимать, уяснять, все это очень просто. Этотъ Паскаль (то же самое было съ Гоголемъ), какъ вы видите, вѣрилъ въ Троицу, въ причастіе; ясно, что онъ былъ болѣй, ненормальный и потому по своей слабости и болѣзни все понималъ навыворотъ. Лучшее доказательство этого то, что онъ отвергъ, отрекся даже отъ того хорошаго, что самъ сдѣлалъ и что намъ нравится (потому, что мы это понимаемъ) и приписывалъ большую важность совершеннюю безполезныю „мистическими“ разсужденіямъ о судьбѣ человѣка, о будущей жизни. Поэтому надо брать изъ него не то, что онъ самъ считалъ важнымъ, а то, что мы можемъ понять и что намъ нравится“.

И толпа рада: то она не понимала, ей надо было усиліе, чтобы подняться до той высоты, на которую ее хотѣль поднять Паскаль, а тутъ все совершенно просто. Паскаль открылъ законъ, по которому дѣлаютъ насосы. Насосы очень полезны, и это очень хорошо; а все, что онъ тамъ говорить о Богѣ, бессмертіи, все это пустяки, потому что онъ вѣрилъ въ Троицу, библію. Намъ не нужно усиливъ, чтобы подниматься до него; напротивъ, мы съ высоты своей ненормальности можемъ покровительственно и снисходительно признавать его заслуги, несмотря на его ненормальности.

Паскаль показываетъ людямъ, что люди безъ религіи или животные или сумасшедше, тыкаетъ ихъ носомъ въ ихъ безобразіе и безуміе, показываетъ имъ, что никакая наука не можетъ замѣнить религію. Но Паскаль вѣрилъ въ Бога, въ Троицу, въ библію, и потому для нихъ дѣло рѣшенніе, что и то, что онъ имъ говорилъ о безумії ихъ жизни и тщетѣ науки — неправда. Та самая наука, та самая суeta жизни, то самое безуміе, которое такъ неотразимо выяснено имъ, эта самая суeta, эта самая наука, это самое безуміе они считаютъ настоящей жизнью, истинной, а разсужденія Паскаля считаютъ плодомъ его болѣзни ненормальности. Имъ нельзя не признать силы мысли и слова этого человѣка, и они причисляютъ его къ классикамъ, но содержаніе его книги не нужно имъ. Имъ кажется, что они стоять неизмѣримо выше того высшаго духовнаго состоянія религіознаго сознанія, до кото-раго только можетъ достигнуть человѣкъ и на которой стоитъ Паскаль, и потому значеніе удивительной книги безнадежно скрыто отъ нихъ.

Да, ничто такъ не зловредно, не пагубно для истиннаго прогресса человѣчества, какъ эти ловко обставленыя всякаго рода современными украшеніями разсужденія людей *qui croient savoir* (думаютъ, что знаютъ) и которыя, по мнѣнію Паскаля, *bouleversent le monde* (мутятъ міръ).

Но свѣтъ и во тьмѣ свѣтить, и есть люди, которые, не раздѣляя вѣры Паскаля въ католичество, но понимая то, что онъ, несмотря на свой великий умъ, могъ вѣритъ въ католичество, предпочитая вѣрить въ него, чѣмъ ни во что не вѣрить, понимаютъ и

значеніе его удивительной книги, неотразимо доказывающей людямъ необходимость вѣры, невозможность человѣческой жизни безъ вѣры, т.-е. безъ опредѣленнаго, твердаго отношенія человѣка къ миру и началу его.

И понявъ это, люди не могутъ не найти и тѣхъ, соотвѣтствующихъ степени ихъ нравственнаго и умственнаго развитія, отвѣтовъ вѣры на вопросы, поставленные Паскалемъ.

Въ этомъ его великая заслуга.

Л. Н. Толстой.

